

И.В. Долинина

ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ КОНЦЕПТ ПРАВЕДНЫЙ В ЦИКЛЕ Н.С. ЛЕСКОВА «ПРАВЕДНИКИ»

Ивановский государственный химико-технологический университет

*В статье автор рассматривает разноаспектное содержание художественного концепта **праведный** в дискурсе цикла «Праведники» Н.С. Лескова. Анализ репрезентантов концепта позволяет выявить существенные характеристики языкового сознания автора, обозначить динамику его развития, раскрыть отличительные свойства ментального мира знаменитого писателя.*

«Волшебник слова» – это определение давно стало общим местом во всех работах, посвященных изучению творчества известного русского писателя-классика Н.С. Лескова. Но лишь немногие исследователи сумели приблизиться к разгадке этого феномена. А ведь еще Б.М. Эйхенбаум подчеркнул, что изучение творчества Лескова должно начинаться с его языка: «Лесков отличается особым мастерством языка. При этом имеется в виду ... прежде всего именно язык – то есть самый словесный состав, самый словарь его произведений» [10, с.327].

Через анализ специфики языка конкретного писателя мы вплотную приближаемся к воссозданию его языковой модели мира, в которой «главное... это знание, закрепленное в словах и словосочетаниях» [1, с.327]. Ю.Н. Караулов указал направление такого когнитивно-культурологического исследования: «...В качестве единиц следует рассматривать обобщенные (теоретические или обыденно-жизненные) понятия, крупные концепты, идеи, выразителями которых оказываются те же как будто слова нулевого уровня, но облеченные теперь дескрипторным статусом» [3, с.52]. В этом случае выявляется концептуальное значение слова, через которое идет формирование и выражение языковой модели мира в творчестве писателя – особой языковой личности.

Как известно, центральным направлением художественного творчества Н.С. Лескова стал поиск положительного идеала, получивший наиболее яркое свое воплощение в знаменитом цикле «Праведники» (1876-1887). В Предисловии к нему писатель заявляет: «И пошел я искать праведных, пошел с обетом не успокоиться, доколе не найду хотя то небольшое число трех праведных, без которых «несть граду стояния»...» [6, с.4]. Такая открытая прокламационная установка позволяет сделать заключение, что слово «праведный» (и различные его дериваты: праведник, праведность) является одной из главных констант языкового сознания Н.С. Лескова, выступает в его творчестве как ментальная категория или концепт. В этой статье мы рассмотрим разноаспектное содержание этого художественного концепта, выраженное в дискурсе цикла «Праведники»; проанализируем его структурное образование идеального характера, синтезирующее результаты познания и интерпретации действительности. С нашей точки зрения, такой анализ художественного концепта «праведный» в общей семантике цикла позволит выявить существенные характеристики языкового сознания автора, наметить динамику его развития, раскрыть отличительные свойства ментального мира Лескова.

Тот факт, что концепт «праведный» стал одной из главных ментальных категорий языкового сознания писателя, представляется нам закономерным. Согласно определению Ю.С. Степанова, «концепт – это как бы сгусток культуры в сознании

человека; то, в виде чего культура входит в ментальный мир человека», [9, с.43]. Коррелятивная пара «святые и праведники» определяется Ю.С. Степановым как одна из фундаментальных констант русской культуры [См.: 9, с.854]. Разграничивая концепты «святой» и «праведный», Ю.С. Степанов делает важное заключение: «Святость» и «праведность» в русской культуре не исключают жизни в быту, в миру, святость – христианский идеал, а праведность – путь к нему; святости нельзя требовать от каждого, а движения по пути праведности – можно» [9, с.858-859].

В современной культурной ситуации толкование слова «праведный» и его дериватов осуществляется в первую очередь через указание на религиозную семантику: «Праведный – благочестивый, не погрешающий против правил, требований религиозной нравственности, морали», «Праведник – человек, живущий согласно заповедям, моральным предписаниям какой-либо религии» [8, с.352]. Однако обращение к истории слова «праведный» и его дериватов помогает нам выявить широкий круг других лексических значений. В «Словаре русского языка XI-XVII веков» приведены следующие определения: «Праведный – 1. Честный, добросовестный // Добытый честным трудом. 2. Праведный, соответствующий правилам христианской морали. 3. Праведный, благочестивый, добродетельный, исполняющий заповеди Божии // направляющий к правде, к добру. 4. Справедливый. 5. Правильный, верный, точный. 6. Истинный, настоящий, подлинный» [7, с.102-104]. Слово праведный этимологически соотносится со словом правда [См.: 2, с.379], а слово праведность корреспондирует со словом справедливость [См.: 7, с.102].

Без сомнения, все эти сведения были хорошо известны Лескову – знатоку древнерусского языка, духовной литературы, нравственных воззрений и религиозных традиций русского народа. Но писатель не просто создал народный «иконостас внеканонических русских святых и праведников». В своем цикле он не только отразил концепцию праведности в народной культуре, для которой это понятие входит в семантическое поле правда: «правдивость, справедливость, правосудие, правота» [2, с.379]. Лесков создает свой, особый – художественный концепт «праведный» путем творческого соединения устной народной трактовки с книжно-письменной интерпретацией и собственными воззрениями. Именно по этой причине лесковская семантическая интерпретация слова «праведный» гораздо шире и многогранней, чем это смогли отразить словари, а сам цикл представляет собой одну большую индивидуально-авторскую реализацию художественного концепта праведный.

Рассмотрим последовательно, каковы особенности осмысления концепта «праведный» в языковом пространстве лесковского цикла. Содержание этого концепта складывается из устойчивых и изменчивых элементов: 1) нравственных, 2) социальных, 3), религиозных 4), культурных 5) обиходно-бытовых. Они отражены в виде лексем, словосочетаний, предложений, а в итоге – в виде сложного синтаксического целого, которым и является цикл «Праведники».

В первую очередь в ядро художественного концепта «праведный» у Лескова входят слова-репрезентанты, в семантике которых присутствует указание на нравственный аспект человеческой жизни: в этом значении лексема «праведный» сопрягается со словами честный, трудолюбивый, добрый (и его синонимы), самоотверженный (и его синоним великодушный), одаренный. Такая индивидуально-авторская трактовка во многом обусловлена двумя причинами.

Первая заключается в особой идейной установке Лескова – «поиске положительного идеала», получившей определение в статье «Граф Л.Н. Толстой и Ф.М. Достоевский как ересиархи (Религия страха и религия любви)»: «Вселенная когда-нибудь разрушится, каждый из нас умрет еще ранее, но пока мы живем и мир стоит, мы мо-

жем и должны всеми зависящими от нас средствами увеличивать сумму добра в себе и кругом себя. До идеала мы не достигнем, но если постараемся быть добрее и жить хорошо, то что-нибудь сделаем» [4, с.116].

Вторую причину мы усматриваем в ориентации автора на народную культуру, в которой концепт «праведный» представлен в первую очередь понятиями честный и трудолюбивый. Лесков также в первую очередь ставит праведность в один ряд с честностью и трудолюбием.

Презентация этого значения осуществляется с помощью установления синонимических отношений между словами праведный и честный, праведность и честность. Например, о Самбурском из рассказа «Русский демократ в Польше» говорится: «О честности же, разумеется, и говорить нечего...» [6, с.79]; о Шерамуре из одноименного рассказа знающие его люди говорят: «Даже очень честный» [6, с.357]. Демонстрация синонимии между словами честный – праведный осуществляется также через фразеологизмы, раскрывающие соответствующую семантику. О Головане из рассказа «Несмертельный Голован» орловский священник отец Павел говорит: «Его совесть снега белей» [6, с.116], о директоре кадетского корпуса Перском сказано: «Он и жил и умер честным человеком, без пятна и упрёка...» [6, с.51].

В языковом сознании Лескова концепт «праведный» также сопряжен с языковыми реализациями слова трудолюбивый через синонимию отдельных лексем, фразеологизмов, паремий. О Рыжове из рассказа «Однодум» говорится, что «он был до суж и трудолюбив» [6, с.6], а «выше всего ставил закон: «в поте лица твоего ешь хлеб твой» [6, с.12]. Иван Фомич Самбурский из рассказа «Русский демократ в Польше» «был невообразимо деловит: буквально не было занятия, к которому он был бы способен и, взявшись за которое оказался бы не на своем месте» [6, с.79]. Несмертельный Голован «кипел в работе с утра до позднего вечера» [6, с.100].

Репрезентанты честный и трудолюбивый являются центральными в художественном концепте «праведный» у Лескова. Если взглянуть на образы праведников цикла, то этими качествами нравственного порядка обладает каждый герой без исключения.

В языковом сознании писателя реализация концепта «праведный» идет также через употребление таких слов, как: добрый, жалостливый, гуманный, сердобольный.

Особенно много языковых реализаций имеет репрезентант «добрый»: Губернатор Сергей Степанович Ланской «был добр...» [6, с.19]; доктор Зеленский, третий праведник «Кадетского монастыря», охарактеризован как «добрый и просвещенный человек» [6, с.69]; об Иване Северьяныче из повести «Очарованный странник» сказано: «Простодушный, добрый русский богатырь» [6, с.220].

Реже встречаются синонимы лексемы «добрый»: гуманный, жалостливый, сердобольный. Например, человеком с «гуманным» направлением» [6, с.337] назван офицер Измайловского полка из рассказа «Человек на часах» Николай Иванович Миллер. Другой герой этого произведения – рядовой Постников охарактеризован как «сердобольный и нервный» [6, с.351]. Об Андрее Петровиче Боброве из очерка «Кадетский монастырь» его воспитанники вспоминают: «Был очень жалостлив...» [6, с.61], имея в виду, что он всегда жалел кадетов и помогал им.

В одном случае мы встречаем интересную, сугубо авторскую цепочку синонимов, в которой третьим членом наряду со словами «праведный» – добрый оказывается слово демократ. Сам герой истолковывает его значение так: «Быть демократом, между прочим, значит желать счастья возможно большему числу людей» [6, с.92]. Так слово, в значении которого доминирует социальный компонент, оказывается насыщенным нравственным смыслом.

Еще один репрезентант нравственного порядка, связанный со всеми указанными выше, можно определить словом самоотверженный и его синонимом – словом великодушный. Лесковский праведник самоотвержен и великодушен во всех своих ипостасях, выведенных в цикле, поэтому указание на данное качество закреплено в структуре концепта «праведный». Например, о Головане из одноименного рассказа сказано, как об одном из «героев великодушия, людей бесстрашных и самоотверженных» [6, с.106]. Очень часто вербализация данного репрезентанта происходит у Лескова через синонимию с описательными оборотами, предложениями. В рассказе «Человек на часах» подытоживается: «Я думаю о тех смертных, которые любят добро просто для самого добра и не ожидают никаких наград за него где бы то ни было» [6, с.354]. В рассказе «Русский демократ в Польше» самоотверженность директора канцелярии Самбурского описывается через характеристику его работы: «Это труд огромный и почтенный, но неблагодарный. Он требует от человека свыше обычных способностей и поглощает его всего; а между тем деятельность его не видна и остается почти незамечаемой, так сказать, черною работою, вроде уборки чего-то в тылу» [6, с.80].

Самоотверженность свойственна героям всех рассказов цикла «Праведники», но вербализуется данное понятие в основном через сложное синтаксическое целое: в нашем случае – через вставные очерки о поступках праведных персонажей.

Следующий репрезентант художественного концепта «праведный» является, с нашей точки зрения, индивидуально-авторским – это слово одаренный. Вербализация происходит через использование автором слов «дарование», «дар». Например, Иван Северьяныч Флягин из повести «Очарованный странник» говорит о своем даре объезжать непокорных коней: «... К этому от природы своей особенное дарование получил»; «дар природный» [6, с.279]. Левша определяет свою одаренность через выражение «глаз пристрелявши» [6, с.207], а сам автор называет своего героя «гений», «мастер», «баснословный левша» [6, с.218]. Некоторые произведения цикла сами по себе в целом могут быть истолкованы как репрезентации понятия «одаренный»: «Не смертельный Голован», «Левша», «Очарованный странник».

Таким образом, в нравственном аспекте художественный концепт «праведный» представлен в дискурсе цикла Лескова многочисленными языковыми реализациями, среди которых основными являются репрезентанты *честный, трудолюбивый, добрый, самоотверженный* (во всех случаях), *одаренный* (в некоторых случаях). Из указанных репрезентантов первые три берут свое начало из народной концепции праведничества, которая творчески переосмысливается, конкретизируется и обогащается автором.

Второй «слой» содержания художественного концепта представлен понятиями социального порядка: для Лескова праведный – гражданский (в значении наделенный гражданскими добродетелями), патриотичный. Это закономерно, поскольку его праведники живут «в миру», а их удел есть «законопослушание».

Книжное выражение «гражданские добродетели», а также слово высокого стиля «патриотизм» используются автором только в отношении образованных героев-праведников: о Николае Ферморе из рассказа «Инженеры-бессребреники» сказано, что он «был человек с гражданскими добродетелями» [6, с.155]; в очерке «Русский демократ в Польше» рассказчик говорит о «патриотическом чувстве», которое «родилось в канцелярии» [6, с.88] благодаря деятельности ее директора Самбурского.

В остальных случаях репрезентантами могут выступать описательные обороты, предложения и даже целые фрагменты текста. В рассказе «Инженеры-бессребреники» Фермор призывает товарищей «служить отечеству с совершенным

бескорытием» [6, с.153]. Гражданственность праведного квартального из рассказа «Однодум» определяется через выражение: «Удовольствие Рыжова состояло в исполнении своего долга» [6, с.18]. Левша из одноименного очерка заявляет: «Мы к своей родине привержены» [6, с.210]; очарованный странник Иван Северьяныч «исполнился страха за народ свой русский» [6, с.335] и говорит: «Мне за народ очень помереть хочется» [6, с.336].

В качестве репрезентаций этого «слоя» концепта могут быть рассмотрены и целые произведения цикла: «Однодум», «Русский демократ в Польше», «Инженеры-бессребреники», вторая часть рассказа «Левша»: в них указание на гражданственность и патриотизм праведника пронизывает все повествование, подчиняет себе сюжет, диктует выбор языковых средств.

Мы видим, что в художественный концепт «праведный» наряду с репрезентантами нравственного порядка Лесков обязательно включает репрезентации, содержащие указание на социальные добродетели праведника. Именно по этой причине лесковский праведник, даже удалившись в монастырь, всегда оставался человеком общественным. Это в полной мере согласовывалось с христианской концепцией праведности.

Нашел отражение в дискурсе цикла Лескова и такой аспект концепта «праведный» как «соответствующий правилам христианской морали, исполняющий заповеди Божии». Эта сторона характеристики праведника реализуется через репрезентанты христианский, библейский, религиозный, апостольский, а также через индивидуально-авторские репрезентанты странный (сомнительный в вере), неправославный.

Показательно, что не во всех произведениях о праведных героях добродетель религиозности выдвигается на первый план («Пигмей», «Русский демократ в Польше», «Очарованный странник», «Левша», «Человек на часах», «Шерамур»). По этой причине указанные репрезентации образуют только третий «слой» художественного концепта праведный.

Индивидуально-авторским в этом «слое» является то, что для окружающих людей лесковский праведный герой часто получает определение странный, сомнительный в вере. Именно эти репрезентации появляются первыми в повествовании о праведнике. Рыжов из «Однодума» «начал подавать о себе странные сомнения» [6, с.11], до конца жизни «православие его, по общим замечаниям, было сомнительно» [6, с.33]. Чихачева из очерка «Инженеры-бессребреники» «находили «странным» именно по причине его особенного религиозного чувства [6, с.145]. Несмертельный Голован из одноименного произведения прозван «молоканом», и рассказчик указывает, что «название это метило прямо на его веру, в которой он казался странным» [6, с.102].

Репрезентанты «странный, сомнительный в вере» в языковом пространстве произведений сменяются завуалированным указанием на неправославие героя в религиозном отношении. В своем цикле Лесков избегает слова неправославный, но этот репрезентант отражен в многочисленных описательных выражениях и целых фрагментах текста, где писатель рассказывает о вере своего праведника. Например, Однодума Рыжова обвиняют в «злобе его уклонения от истин православия [6, с.14]. О Головане «неизвестно было – какого он прихода», а на вопрос об этом герой отвечал: «Я из прихода Творца-Вседержителя», – а такого храма во всем Орле не было» [6, с.115]. Лесковский праведник постоянно подозревается в том, что он – неправославный.

Почему писатель при всей своей религиозности довольно редко вводит репрезентант «православный» в концепт «праведный»? Ответ мы находим в его письме Л.И. Веселитской от 27 января 1893 года: «... Нимало не сходное с учением Христа, есть «православие»... Я и не спорю, когда его называют этим именем, но оно не хри-

стианство!» [5, с.529].

По этой причине писатель избегает использовать слово «православный» в характеристике своего праведника, и третий (религиозный) «слой» художественного концепта «праведный» выражается у него через репрезентанты *христианский, религиозный, библейский, апостольский*. Именно они являются обязательными в лесковской реализации концепта. Так автор как бы возвращается к «истокам веры» – временам, когда христианство было единым, а его заповеди и традиции были ориентированы на добро, правду и любовь к ближнему. В статье «Граф Л.Н. Толстой и Ф.М. Достоевский как ересиархи (Религия страха и религия любви)» Лесков написал: «Само христианство было бы тщетным и бесполезным, если бы оно не содействовало умножению в людях добра, правды и мира» [4, с.116]. Праведники Лескова исповедуют собственную религию «добра, правды и мира», даже не посещая православные приходы. Праведный – христианский в широком смысле слова, свободный от канонов какой-либо конфессии, берущий начало своей веры из прямого обращения к Богу.

Так, на вопрос о своей вере Рыжов из рассказа «Однодум» отвечает: «Христианин» [6, с.30]. Как «христианин» упомянут архимандрит из очерка «Кадетский монастырь». Этот герой противопоставлен «пустосвяту» Демидову с его показным православием [См.: 6, с.72], для рассказчика архимандрит – «заправский, настоящий христианин» [6, с.71]. О Брянчанинове из очерка «Инженеры-бессребреники» сказано: «Он очень религиозен...» [6, с.138]. Такая же характеристика дается и другому праведному герою этого произведения – Николаю Фермору: «Этот тоже был религиозен...» [6, с.155].

На то, что автор в своей трактовке концепта «праведный» с религиозной точки зрения опирается на Библию, указывают репрезентанты «библейский» и «апостольский». «Библейским чудачком» [6, с.17] неоднократно назван Однодум из одноименного рассказа. Об архимандрите из очерка «Кадетский монастырь» рассказчик вспоминает, что в нем все «напоминает что-то древнее апостольское» [6, с.71].

Мы видим, что художественный концепт «праведный» в своем религиозном аспекте представлен у Лескова в первую очередь репрезентантами христианский, религиозный, библейский и апостольский. Такой взгляд на праведность призван вернуть читателя к апостольским временам, когда христианская вера была единой, исповедовала религию «добра, правды и мира». Лесковские праведники словно пришли из того старого библейского времени, чтобы напомнить истинные христианские идеалы и показать пример настоящей христианской веры. Не всегда окружающие их понимают, и в этой связи они считаются странными, сомнительными в вере и даже подозреваются в неправославии.

Подведем итоги наших наблюдений за реализацией концепта «праведный» в дискурсе цикла Лескова «Праведники». Нами выявлено, что этот художественный концепт имеет в понимании Лескова несколько «слоев», презентация которых связана с отражением нравственного, социального и религиозного аспекта праведности как явления русской жизни. Указание на нравственность праведника вербализируется через репрезентанты *честный, трудолюбивый, добрый, самоотверженный, одаренный*. Эти понятия являются ведущими в концепции праведничества у Лескова и, соответственно, формируют «ядро» художественного концепта «праведный» в языковой картине мира писателя. Социальные добродетели отражены в использовании автором слов *гражданский* и *патриотичный*. Лесковский праведник во всех ситуациях остается человеком общественным. Вербализация третьего «слоя» концепта «праведный» осуществляется в основном через репрезентанты *христианский, религиозный (библейский, апостольский)*. Чистое, «изначальное» христианство лесковского праведника не

всегда понятно обывателям, в связи с чем появляются определения *неправославный, странный, сомнительный в вере*. Так автор воссоздает свой взгляд на христианство как на учение о «добре, правде и мире».

В целом, создание цикла «Праведники» продиктовано авторским стремлением «очеловечить евангельское учение» [5, с.456]. Через реализацию художественного концепта «праведный» Лесков формирует свою концепцию праведничества, в которой соединились народные традиции и взгляды просвещенной части общества. В этой связи весь цикл «Праведники» может быть воспринят как единая реализация художественного концепта «праведный».

Список использованной литературы

1. **Брутян Г.А.** Язык и языковая картина мира / Г.А. Брутян // Философские науки. – 1973. – №1. – С.108-111.
2. **Даль В.И.** Толковый словарь живого великорусского языка. В 4 т. Т. 3. П / В.И. Даль. – М.: Русский язык – Медиа, 2006. – 555 С.
3. **Караулов Ю.Н.** Русский язык и языковая личность. – Изд. 2-е, стереотипное / Ю.Н. Караулов. – М.: Едиториал УРСС, 2002. – 264с.
4. **Лесков Н.С.** Граф Л.Н. Толстой и Ф.М. Достоевский как ересиархи (Религия страха и религия любви) // Н.С. Лесков о литературе и искусстве / Н.С. Лесков. – Л.: Изд-во Ленинградского ун-та, 1984. – С. 111-128.
5. **Лесков Н.С.** Собр. соч. В 11 т. / под ред. В. Г. Базанова, Б.Я. Бухштаба, А.И. Груздева, С. А. Рейсера, Б. М. Эйхенбаума. Т. 11 Письма / Н.С. Лесков – М. ГИХЛ, 1956–1958. – 675 с.
6. **Лесков Н.С.** Собр. соч. В 12 т. Т. 2 Праведники / Н.С. Лесков – М.: Правда, 1989. – 415 с.
7. Словарь русского языка XI-XVII вв. Выпуск 18 /Потка – Преначальный/ – М.: Наука, 1992. – 290 с.
8. Словарь русского языка. В 4 т. Т. 3. П-Р / под ред. А.П. Евгеньевой. –2-е изд, испр. и доп. – М.: Русский язык, 1981-1984. – 752 с.
9. **Степанов Ю.С.** Константы: Словарь русской культуры: изд-ие, испр. и доп. / Ю.С. Степанов. – М.: Академический проект, 2001. – 990 с.
10. **Эйхенбаум Б.М.** «Чрезмерный» писатель (К 100-летию рождения Н. Лескова) // Эйхенбаум Б.М. О прозе: сб.ст. / Б.М. Эйхенбаум – Л.: Художественная литература, 1969. – С. 327-345.